

ИЗУЧЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК МОНГОЛИИ (историографический аспект)*

Статья посвящена анализу истории изучения погребальных комплексов раннесредневековых тюрок на территории Монголии. Рассматриваются основные этапы полевых исследований, а также имеющийся опыт интерпретации полученных материалов. Начальный период исследования тюркских погребений в указанном регионе связан с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими учеными в 1920-х гг. Следующий этап, начало которого относится к середине XX в., ознаменовался активными полевыми работами местных специалистов (Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава и др.), к тому времени накопивших необходимый опыт исследований и продолживших раскопки раннесредневековых комплексов самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран. С изменением политической ситуации в Монголии в 1990-х гг. изучение тюркских погребений проводили многочисленные экспедиции из стран ближнего и дальнего зарубежья. К настоящему времени в рассматриваемом регионе раскопано около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Несмотря на незначительность этой цифры, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры кочевников.

Ключевые слова: Монголия, раннесредневековые тюрки, погребальные памятники, история исследований, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2014)1(9).-09

На сегодняшний день в результате многолетних археологических работ на территории Монголии исследовано значительное количество памятников раннесредневековых тюрок, иллюстрирующих один из наиболее динамичных периодов истории региона. Однако большая часть этих объектов представляет собой «поминальные» сооружения – каменные оградки, изваяния, а также «каганские» мемориальные комплексы. Гораздо меньше информации о погребальных памятниках раннесредневековых тюрок на рассматриваемой территории. Увеличение интенсивности исследований в области археологии эпохи средневековья в различных районах Монголии в последние десятилетия позволяет надеяться на изменение обозначенной ситуации в положительную сторону. В связи с этим целесообразным является подведение итогов ранее проведенных работ. До сих пор в научной литературе представлялась лишь краткая история изучения погребальных памятников раннесредневековых тюрок на территории Монголии [Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 82–83; Худяков, Турбат, 1999, с. 82–84; Худяков, 2002, с. 150–152; Худяков, Лхагвасурэн 2002, с. 95–96; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 176; Турбат, 2005; Худяков, Белинская, 2006, с. 497–498]. Актуальным остается обобщение имеющегося опыта и детализация результатов реализации основных направлений исследований.

Археологические памятники раннесредневековых тюрок известны специалистам с XVIII в. [Кызласов, 1969, с. 5–7; Войтов, 1996, с. 12; Худяков, 2004, с. 6]. Это были каменные изваяния, оградки и мемориалы знати. Долгое время информация о памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Монголии 2-й половины I тыс. н.э. исчерпыва-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

лась сведениями именно о таких объектах, что существенно ограничивало представления ученых о раннесредневековой археологии региона. Начиная с середины XIX в., после работ В.В. Радлова [1989, с. 448–449], появилась первая объективная информация о тюркских погребениях. Серия захоронений раннего средневековья в различных частях Алтае-Саянского региона была исследована в 1920-е гг. [Руденко, Глухов, 1927; Киселев, 1929, с. 154–156; Теплоухов, 1929, с. 55; Гаврилова, 1965, с. 6]. К этому же времени относятся первые раскопки тюркских погребений на территории Монголии.

Начало систематических археологических исследований в рассматриваемом регионе связано с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими исследователями. Определенное значение имело создание в 1921 г. Ученого комитета МНР. В его составе был исторический кабинет, в круг обязанностей сотрудников которого входили поиск и регистрация памятников [Цэвээндорж и др., 2008, с. 17–18]. Именно в то время были проведены широкомасштабные исследования, позволившие получить огромный по значению материал по различным периодам древней и средневековой истории Монголии. Одними из наиболее результативных стали работы Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества под руководством П.К. Козлова в горах Ноин-Ула. По мнению Т.И. Юсуповой [2006, с. 31; 2010, с. 27], сделанные в ходе этих раскопок открытия не только дали импульс к дальнейшему изучению историко-культурного наследия региона, но и стали одной из побудительных причин создания Монгольской комиссии Академии наук СССР, более 25 лет координировавшей работы советских ученых в Монголии.

Появление объективной информации о погребальном обряде раннесредневековых тюрков Монголии связано с экспедиционными работами, проведенными под руководством Г.И. Боровки в среднем течении р. Тола (Туул). Исследователь был командирован в Ургу (Улан-Батор) Академией наук СССР в сентябре 1924 г. по просьбе П.К. Козлова, которому требовались квалифицированные археологи для раскопок ноин-улинских могил [Юсупова, 2010, с. 45]. Г.И. Боровка вместе с С.А. Теплоуховым принял участие в изучении кургана №24 в Суцзуктэ, после чего в 1925 г. намеревался продолжить археологические работы на известном некрополе. Однако, следуя пожеланиям Ученого комитета Монголии, а также учитывая сильную увлажненность местности, в которой находился памятник, он отказался от первоначальных планов [Боровка, 1927, с. 43–44; Юсупова, 2010, с. 50].

Направлением работ Г.И. Боровки в 1925 г. стало «... систематическое обследование известного района Монголии с археологической точки зрения, с целью выяснения встречающихся в нем памятников древности» [Боровка, 1927, с. 44]. Долина р. Тола была выбрана исходя из того, что данная местность, по наблюдениям ученого, отличалась благоприятными условиями для проживания древнего населения и, кроме того, находилась неподалеку от базы экспедиции в Улан-Баторе. На протяжении намеченного маршрута Г.И. Боровкой зафиксированы 92 археологических объекта, несколько памятников было раскопано. Один из исследованных комплексов, расположенный в местности Наинтэ-суме около горного кряжа Хайрхан, судя по зафиксированным показателям обряда и характерному набору инвентаря, относится к культуре раннесредневековых тюрков.

Раскопанное погребение датировано Г.И. Боровкой [1927, с. 74] в рамках VI–VIII вв. н.э. и связано с эпохой «тюрков-огузов». Основанием для такого определения стал рассмотренный исследователем орнамент на фрагменте шелка, который археолог

сравнил с аналогичной находкой из тюркского погребения могильника Катанда-II, исследованного на Алтае. Обозначенный курган Наинтэ-суме находился рядом с группой херексуров, что позволило археологу отнести последние к этому же периоду. Впоследствии на довольно долгое время традиция датировки херексуров ранним средневековьем закрепилась, чему способствовала безынвентарность большинства таких объектов [Худяков, 1987, с. 137].

Отметим, что к раннему средневековью может относиться также другое погребение, исследованное Г.И. Боровкой в местности Наинтэ-суме. Под небольшой каменной насыпью зафиксировано полностью разграбленное захоронение человека в сопровождении лошади. Сохранившийся инвентарь включал глиняную вазу, а также фрагмент боковой ручки серебряного сосуда с окончанием в виде головы грифона [Боровка, 1927, с. 64–66].

В последующие два десятилетия археологические исследования на территории Монголии осуществлялись весьма спорадически. Ситуация изменилась только в 1940-е гг. К этому времени относится начало работ местного специалиста Х. Пэрлээ, который занимался созданием «Археологической картотеки Монгольской Народной Республики» [Цэвээндорж и др., 2008, с. 18]. Главным же фактором увеличения интенсивности полевых исследований в регионе вновь стали изыскания советских ученых. В 1948–1949 гг. на территории Монголии работала совместная Монгольская историко-этнографическая экспедиция Академии наук СССР и Комитета наук МНР под руководством С.В. Киселева и Х. Пэрлээ. Круг задач участников экспедиции и полученные масштабные результаты были связаны главным образом с раскопками средневековых монгольских городов [Киселев, 1957; Пэрлээ, 1957; Древнемонгольские города, 1965]. Вместе с тем исследовались и памятники других типов и хронологических периодов. Среди прочих объектов была раскопана серия погребальных комплексов раннего средневековья.

Публикация и обобщение этих материалов состоялись спустя почти десятилетие в специальной статье Л.А. Евтюховой [1957]. К этому времени исследовательница обладала серьезным опытом в области интерпретации памятников раннесредневековых кочевников, являясь автором таких крупных работ, как «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)» [1948], «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» [1952]. Знание материалов позволило Л.А. Евтюховой весьма подробно охарактеризовать раскопанные погребения, рассмотреть сопроводительный инвентарь захоронений, а также определить датировку и этнокультурную принадлежность комплексов.

Среди опубликованных Л.А. Евтюховой погребений достоверно к культуре раннесредневековых тюрков может быть отнесено только одно, исследованное под насыпью кургана №3 могильника Джаргаланты. Остальные представленные ею объекты оказались сильно разграбленными, не содержали материалов, достаточных для их уверенной атрибуции, либо относились к более позднему времени, как, например, захоронение на некрополе Хушот-Худжиртэ. Л.А. Евтюхова [1957, с. 217] отметила, что в связи с почти полным отсутствием комплексов раннего средневековья на территории Монголии для корректной интерпретации памятников приходится обращаться к синхронным материалам из комплексов на сопредельных территориях, прежде всего в Алтае-Саянском регионе. Большое значение имел вывод Л.А. Евтюховой [1957, с. 224] о том, что курган №3 Джаргаланты, как и рассмотренное выше погребение

Наинтэ-суме, близок в культурном отношении к известным некрополям раннесредневековых тюрков VIII–IX вв., расположенным на Алтае. По мнению исследовательницы, эти памятники представляют собой захоронения представителей «аборигенного тюркского населения, в свое время, т.е. с VI в., пришедших в монгольские степи с Алтая и принесших с собой свой погребальный обряд».

В последующие годы немногочисленные, но не менее важные материалы, полученные в ходе исследований погребений раннесредневековых тюрков Монголии, привлекались специалистами довольно редко. В обобщающих работах, посвященных рассмотрению различных аспектов истории и археологии кочевников Центральной Азии, имеются лишь упоминания об этих памятниках. Безусловно, данное обстоятельство объяснялось главным образом малочисленностью раскопанных объектов. На этот факт указал еще А.Н. Бернштам [1946, с. 64], характеризуя состояние источниковой базы по истории Монголии в период «от гуннов до тюрков». Ограниченность имеющихся материалов отметил и С.В. Киселев [1949, с. 283], обратив внимание на несоответствие известных ему погребений раннесредневековых кочевников Монголии с описанием похорон номадов, приведенным в китайских летописях. А.А. Гаврилова [1965, с. 64] отнесла погребения из Наинтэ-суме и Джаргаланты к выделенному ею катандинскому типу могил (VII–VIII вв.), указав на ошибочность датировки, приведенной в статье Л.А. Евтуховой. Таким образом, в обобщающих работах середины XX в. известные тюркские захоронения Монголии практически не привлекались при разработке авторских концепций.

Вместе с тем именно к середине прошлого столетия относится начало следующего этапа в изучении раннесредневековой археологии Монголии. Он связан главным образом с работами местных специалистов, к тому времени накопивших необходимый опыт полевых работ и продолживших исследования памятников региона самостоятельно, а также совместно с учеными из социалистических стран [Цэвээндорж и др., 2008, с. 20]. Как и в предшествующие годы, раскопки погребальных комплексов раннего средневековья не входили в спектр основных задач археологов. При этом в ходе масштабных работ на памятниках Монголии различных хронологических периодов, реализованных экспедициями под руководством Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава и других специалистов, была исследована и серия тюркских захоронений. То обстоятельство, что изучение большинства могил 2-й половины I тыс. н.э. являлось делом случая, а обработка полученных материалов осуществлялась далеко не в первую очередь, безусловно, оказало негативное влияние на качество публикации комплексов, зачастую вводимых в научный оборот лишь частично, а также на их интерпретацию. В то же время основная задача данного этапа полевых работ в Монголии – накопление материалов – выполнялась вполне успешно.

Активные исследования археологических комплексов на территории рассматриваемого региона в 1950-е гг. проводил Х. Пэрлээ. В числе объектов различных хронологических периодов им были раскопаны два погребения раннего средневековья. Захоронения, исследованные археологом в 1952 и 1957 гг. на памятниках Дэнслэгийн ам и Тогосийн овдгийн, оказались ограблены. Однако, судя по зафиксированным показателям обряда и сохранившимся предметам инвентаря, они могут быть отнесены к культуре тюрков. Материалы раскопок данных комплексов не опубликованы, их краткое описание приведено в монографии Н. Сэр-Оджава [1970, т. 25].

Серия объектов раннего средневековья в те же годы выявлена и раскопана другим монгольским специалистом Ц. Доржсурэном в ходе работ в Архангайском аймаке. Несмотря на то, что основным направлением его исследований было изучение памятников хуннского периода [Доржсурэн, 1961], археолог уделял большое внимание и комплексам 2-й половины I тыс. н.э. Так, Ц. Доржсурэн обнаружил и осуществил небольшие работы на ряде мемориальных объектов раннего средневековья [Кляшторный, Лившиц, 1971; Войтов, 1986, с. 120–123; 1996, с. 18]. В 1956 г. археолог, проводя раскопки на крупном некрополе хуннского периода Гол Мод, раскопал курган тюркского времени, расположенный в составе могильника. К сожалению, описания полученных материалов Ц. Доржсурэн не опубликовал. Находки из погребения представлены в его совместной статье с венгерским исследователем И. Эрдели и монгольским археологом Д. Наваном [1967, fig. 32]. В том же году Ц. Доржсурэн раскопал еще один объект раннего средневековья, сооруженный, судя по краткому описанию, в насыпи херексура. Весьма интересные находки, обнаруженные под каменными плитами, частично опубликованы в отдельной статье исследователя [Dorjsuren, 1967].

Ц. Доржсурэн сыграл важную роль в работах совместной Монголо-Венгерской экспедиции, проводившихся в 1960-е гг. Основным отличием этих исследований стало то, что впервые раскопки комплексов тюркского периода являлись главной задачей полевых исследований. По мнению венгерского археолога И. Эрдели, изучение ранне-средневековых памятников Монголии могло способствовать решению дискуссионной проблемы азиатского происхождения авар. Накопление новых сведений о погребениях тюркского периода должно было дать основу для сравнения с материалами Венгрии [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 347; Erdelyi, 2000, p. 14–15].

Работы экспедиции были сосредоточены главным образом в Архангайском аймаке, в 1956–1957 гг. обследованном Ц. Доржсурэном [1958]. Первое тюркское захоронение удалось обнаружить и раскопать только на третий год исследований (1963 г.). Проводившиеся до этого работы давали материалы более раннего времени (хуннского периода). Подробное описание частично ограбленного погребения человека с двумя лошадьми, исследованного в местности Хана, а также предметный комплекс памятника опубликованы спустя десятилетие в венгерском сборнике [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 348, 352, 356; fig. 33–37]. Кроме того, в отдельных статьях представлены результаты анализа остеологических материалов из могилы [Bokonyi, 1967] и опыт изучения шелковых изделий, обнаруженных в захоронении [Endrei, 1967].

В том же 1963 г. участниками Монголо-Венгерской экспедиции раскопан еще один объект раннего средневековья. Одиночный курган находился в отдалении от основной массы объектов некрополя Наймаа-Толгой, относившихся к хунускому времени. Судя по описанию, представленному в статье [Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967, p. 356–358, fig. 40–42], курган не содержал погребения и, вероятно, представлял собой кенотаф либо комплекс ритуального характера. В опубликованной позже монографии И. Эрдели (2000, p. 66) привел результаты радиоуглеродного анализа материалов из данного объекта – 540 ± 100 лет, однако обнаруженные находки указывают на более позднюю датировку памятника.

Исследование археологических комплексов раннесредневековых тюрков Монголии было одним из направлений работ Н. Сэр-Оджава. Изучение мемориальных памятников знати он проводил начиная с 1950-х гг. Так, серьезные результаты полу-

чены им в ходе совместных работ с чешским ученым Л. Йислом на комплексе Культегина (Хошо-Цайдам-II) [Войтов, 1985, с. 126]. В 1965 г. неподалеку от этого объекта Н. Сэр-Оджав раскопал частично ограбленное погребение человека в сопровождении двух лошадей и с показательным инвентарем. Материалы этого захоронения, наряду с другими известными на тот момент объектами, представлены исследователем в монографии, посвященной обобщению сведений по археологии раннесредневековых тюрок Монголии [Сэр-Оджав, 1970]. Один из разделов книги включает описание погребений 2-й половины I тыс. н.э. Следуя сложившейся историографической традиции, Н. Сэр-Оджав [1970, т. 23–28] объединил захоронения раннесредневековых тюрок в одну группу с херексурами. Опыт изучения раннесредневековых комплексов Монголии получил отражение в докторской диссертации исследователя [Сэр-Оджав, 1971, с. 16–22], а также в подготовленной позже монографии [Сэр-Оджав, 1977, т. 112–144]. При этом следует отметить, что Н. Сэр-Оджав не рассматривал погребальные комплексы как основной источник для исследования истории и культуры тюрок, отдавая приоритет письменным материалам, а также результатам раскопок мемориальных памятников элиты кочевников.

Начало следующего этапа в исследовании археологических комплексов на территории Монголии, в том числе памятников раннего средневековья, связано с началом работ совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН Монголии (СМИКЭ). В период с 1969 по 1989 г. было выявлено и раскопано огромное количество объектов различных хронологических периодов [Окладников, Волков, 1972; Цэвээндорж и др., 2008, с. 21–23]. Несмотря на значительные масштабы исследований, за время работы экспедиции исследовано только одно погребение археологической культуры раннесредневековых тюрок. Ограбленное захоронение человека с двумя лошадьми было раскопано в 1983 г. одним из отрядов СМИКЭ под руководством Д. Навана в местности Увгунт Булганского аймака. Памятник сразу привлек повышенное внимание ученых редкостью сохранившихся предметов инвентаря, из которых особенно выделялся золотой брактеат с изображением византийского императора и рунической надписью. По итогам анализа находок монгольскими исследователями подготовлена отдельная монография [Наван, Сумьябаатар, 1987]. Авторы отнесли погребение к хуннускому времени, сославшись на полученные результаты радиоуглеродного датирования фрагментов дерева из могилы. Ошибочной оказалась и интерпретация надписи на брактеате, которую монгольские ученые посчитали памятником «языка хуннов» [Наван, Сумьябаатар, 1987, т. 127].

Позже яркая находка была передана Д. Наваном известному тюркологу С.Г. Кляшторному, который совместно с коллегами подготовил обстоятельную статью, посвященную разностороннему анализу Увгунтского комплекса [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990]. По заключению исследователей, погребение относится к культуре раннесредневековых тюрок, а датировка его, учитывая хронологические рамки бытования обнаруженных предметов, а также предположительное время изготовления брактеата с византийской монеты, может быть определена в пределах VIII–IX вв. н.э. [Кляшторный, Савинов, Шкода, 1990].

Итак, к середине 1980-х гг. на территории Монголии была исследована довольно представительная серия захоронений раннесредневековых тюрок, позволявшая рассматривать различные аспекты культуры кочевников. Однако все без исключения по-

гребения находились в центральной или северной части страны. Западная Монголия в значительной степени оставалась «белым пятном», причем эта характеристика была справедливой не только по отношению к археологическим комплексам раннего средневековья. Первые тюркские погребения в этой части страны исследованы только во 2-й половине 1980-х гг. В 1987 г. в местности Загал (Монгольский Алтай) было раскопано захоронение человека с двумя лошадьми. Исследования проводились Х. Лхагвасурэн, работавшим в составе отряда по изучению памятников бронзового и раннего железного веков Института истории АН Монголии под руководством Д. Навана. Краткое описание памятника, а также предметный комплекс из могилы опубликованы в совместной статье Ю.С. Худякова и автора раскопок [Худяков, Лхагвасурэн, 2002].

В том же году в Северо-Западной Монголии исследовано еще одно погребение раннего средневековья, находившееся в составе разновременного могильника Цаган-Хайрхан-Уул. Работы на памятнике проводились одним из отрядов Биосферной комплексной экспедиции под руководством Ю.С. Худякова. Результаты исследований опубликованы им и Д. Цэвэндоржем спустя десятилетие [Худяков, Цэвэндорж, 1997, 1999]. Этими же авторами введен в научный оборот комплекс предметов, предположительно происходивших из разрушенного раннесредневекового погребения в долине р. Аргаан-гол (Хубсугульский аймак) и обнаруженных местным жителем еще в 1961 г. [Худяков, Цэвэндорж, 1986].

Следует отметить, что после монографии Н. Сэр-Оджавы долгое время обобщающих работ по погребальным памятникам раннесредневековых тюрков Монголии не предпринималось. Значительно большее внимание исследователей привлекали мемориальные комплексы знати кочевников [Войтов, 1989]. Материалы раскопок захоронений тюрков использовались лишь для иллюстрации отдельных выводов и замечаний археологов. К примеру, некоторые наблюдения о специфике погребальных комплексов раннего средневековья на территории Монголии представлены в статье Д. Цэвэндоржа [1985, с. 83], посвященной публикации памятников хуннского периода. Исследователь, опираясь на материалы ряда известных ему захоронений 2-й половины I тыс. н.э., подчеркнул существенные отличия в погребальной обрядности хунну и тюрков, отметив сходство только в устройстве курганной насыпи.

Изменение политической ситуации в Монголии в начале 1990-х гг. серьезным образом отразилось на проводимых археологических исследованиях. С этого времени в стране работают многочисленные экспедиции ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья – Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Кореи, США, Турции, Франции, Японии и др. Эти исследования, осуществляемые с применением современных методик, не только позволили получить и ввести в научный оборот значительный объем материалов, но также послужили важным стимулом для развития археологической науки в Монголии в целом. Результатом работ совместных экспедиций монгольских ученых и зарубежных специалистов стали исследованные памятники различных хронологических периодов, в том числе серия погребений раннесредневековых тюрков.

В 1993 г. в ходе работ Монголо-Корейской экспедиции в горах Баруун Хайрхан раскопано непо потревоженное одиночное погребение человека без лошади. В могиле обнаружен весьма информативный сопроводительный инвентарь, позволяющий отнести комплекс к концу IV – VI в. н.э. Схожую дату (в рамках VI в.) дал проведенный радио-

углеродный анализ [Цэвээндорж и др., 2008, с. 176]. Судя по полученным материалам, погребение может относиться к предтюрокскому или раннетюрокскому времени и, очевидно, связано с носителями других культурных традиций, близких к кочевникам Забайкалья.

В 1994–2000 гг. участниками Монголо-Французской экспедиции под руководством Д. Эрдэнэбаатара и Г. Жискара осуществлялись исследования в долине р. Эгин-гол в Булганском аймаке. Основная часть раскопанных объектов относилась к хуннускому периоду, а также к монгольскому времени. Пять захоронений раннесредневековых тюрок исследованы на комплексах Бурхан-толгой (впускные погребения в насыпях курганов №25 и 60), Моностын-хотол (одиночный курган), Мухдагийн ам (курган №8), Элст Хутул (курган №5). Материалы раскопок опубликованы в ряде статей [Турбат, 1998; Худяков, Турбат, 1999; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004], а также в монографии монгольских археологов [Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003].

Два объекта археологической культуры раннесредневековых тюрок раскопаны в 2005 г. в ходе работ Монголо-Итальянской археологической экспедиции в местности Тарималт (Уверхангайский аймак). Под насыпями курганов №1 и 2 исследованы одиночное захоронение и погребение человека с лошадьё, включавшие довольно представительный инвентарь. Материалы раскопок опубликованы лишь частично [Гунчинсүрэн и др., 2005].

В 1990–2000-х гг. на рассматриваемой территории продолжались исследования российских археологов, традиционно осуществлявших активные изыскания в Монголии. В 2007 г. в ходе исследований Российско-Монголо-Корейской экспедиции на памятнике Хар-Ямаатын-гол (Баян-Ульгийский аймак) были получены показательные материалы, позволившие пополнить серию весьма немногочисленных погребений раннесредневековых тюрок в западной части страны. Комплекс, включавший женское захоронение (курган №8), «ритуальный» курган (№10), а также расположенное неподалеку поминальное сооружение с изваянием, опубликован на русском, английском и монгольском языках [Кубарев и др., 2007; Кубарев, Гилсу, Цэвээндорж, 2008; Цэвэндорж и др., 2008; Kubarev, Gilsu, Tseveendorzh, 2009]. В статьях авторы раскопок подчеркнули крайне слабую степень изученности погребений раннесредневековых кочевников на территории Монголии и указали на то, что, по их сведениям, в этом регионе исследовано всего около десяти курганов тюрок 2-й половины I тыс. н.э. [Кубарев, Гилсу, Цэвээндорж, 2008, с. 108].

Наряду с исследованиями, осуществляемыми совместно с зарубежными учеными, монгольские археологи проводят и самостоятельные работы в разных частях страны. В 2006 г. экспедицией Монгольского национального университета под руководством Ш. Уранчимэг и С. Олзийбаяра раскапывался некрополь Угемур, основную часть которого составляли захоронения хуннуского времени. В ходе работ на самом малом кургане №2, который археологи изначально приняли за детское погребение того же периода, исследована непо потревоженная могила раннего средневековья [Олзийбаяр, 2007, т. 26–31]. Захоронение пожилого мужчины с лошадьё автор публикации связал с уйгурами, основываясь на находке части орнаментированного сосуда. Кроме того, С. Олзийбаяр [2007, т. 31] предположил возможную этническую связь уйгуров с хунну, на что, по его мнению, указывает внешнее сходство курганных насыпей, а также совершение погребений на одном некрополе.

Другим научным центром, осуществляющим археологические исследования, является Монгольский национальный исторический музей. В 2007 г. экспедицией музея раскопаны три кургана на могильнике Овор Хавцал (Архангайский аймак). Основную часть некрополя составляют расположенные компактно объекты хуннуского времени. К юго-востоку, на небольшом отдалении, был зафиксирован еще один курган (самый небольшой по размеру), в ходе раскопок которого исследовано погребение человека с лошастью и инвентарем, характерным для раннего средневековья [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, т. 125–132]. Авторы публикации отметили, что к настоящему времени на территории Монголии раскопано более 20 тюркских захоронений [Эрдэнэболд, Одбаатар, Анхбаяр, 2010, т. 127].

Начиная с 2000-х гг. в научный оборот введена серия скальных погребений раннего средневековья, обнаруженных на территории Монголии и предположительно связанных с тюркской культурой. Три таких объекта исследованы в Байнхонгорском аймаке в 2001 и 2004 гг. [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Хурэлсух, 2008]. Информация об известных скальных захоронениях Монголии была обобщена в специальной статье С. Хурэлсуха [2008]. По наблюдениям археолога, такие погребения сооружались главным образом в эпоху средневековья и характеризуются наличием общих черт в обрядовой практике.

Еще одно скальное погребение тюркского времени, давшее весьма показательный материал, исследовано в 2008 г. на правом склоне горы Жаргалант Хайрхан в Западной Монголии. Наиболее яркой находкой, обнаруженной в ходе изучения захоронения, стал деревянный музыкальный инструмент с рунической надписью. Проведенный AMS-анализ образцов дерева от седла позволил получить дату 770–880 гг. н.э. Несмотря на уже значительное количество публикаций, посвященных анализу данного комплекса [Турбат и др., 2008; Törbat at all., 2009; Турбат, Батсух, Батбаяр, 2010], материалы раскопок опубликованы лишь частично. Нет сомнений, что скальных погребений на территории Монголии значительно больше, однако исследование таких объектов осложнено трудностью обнаружения, а также ограбленностью памятников в значительном количестве случаев.

Полученные к началу 2000-х гг. материалы раскопок погребений раннесредневековых тюрок Монголии потребовали обобщения и интерпретации. Несмотря на отсутствие развернутых публикаций в указанном направлении, в ряде работ российских и монгольских археологов представлен опыт систематизации комплексов. Характеристика захоронений тюркской культуры, раскопанных на территории Монголии, представлена в ряде статей Ю.С. Худякова. При участии исследователя раскопано и опубликовано несколько объектов, что позволило ему привести развернутую интерпретацию исследованных памятников. По мнению Ю.С. Худякова [2002, с. 153], большинство погребений раннесредневековых тюрок (автор учел, судя по приведенным описаниям, восемь могил) относятся к VIII–X вв., и лишь единичные захоронения датируются более ранним временем. Археолог отметил, что обрядность кочевников Монголии отличается значительной вариативностью [Худяков, Белинская, 2006, с. 154]. Предложенная Ю.С. Худяковым датировка памятников кочевников рассматриваемой общности поддержана Д.Г. Савиновым [2005, с. 221–225], который подчеркнул, что именно в VIII–IX вв. погребения с лошастью тяготеют к южным районам Саяно-Алтайского нагорья и получают распространение на территории Монголии [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 226].

Итоги изучения погребений раннесредневековых тюрок Монголии представлены в одной из статей Ц. Турбата [2005]. Монгольский археолог привел краткую историю исследования памятников, указав на то, что к концу 1990-х гг. в разных частях страны было раскопано всего 18 захоронений рассматриваемой общности кочевников [Турбат, 2005, т. 99]. По мнению Ц. Турбата [2005, т. 97], тюркские погребения демонстрируют значительное количество схожих характеристик с комплексами пазырыкской, кокзельской и таштыкской культур, известными главным образом по материалам Алтае-Саянского региона.

Результаты археологических исследований нашли отражение в учебно-методической литературе. В частности, в пособии «Археология Монголии» [Цэвэндорж и др., 2008, с. 175–176] представлена общая характеристика погребений раннесредневековых тюрок. Авторы издания указали на то, что захоронения кочевников раскопаны в различных частях страны и представили описание трех памятников.

Отдельные находки из погребений раннесредневековых тюрок Монголии рассматривались в публикациях различных исследователей. Обстоятельный анализ золотой бляхи из комплекса Увгунт представлен в специальной статье П.П. Азбелева [2007]. По мнению археолога, данная находка, а также браakteат с византийской монеты из рассматриваемого погребения демонстрируют западные связи центрально-азиатских кочевников уйгурского времени. Некоторые группы предметов вооружения из захоронений кочевников Монголии учитывались в публикациях В.В. Горбунова [2004, 2012]. Импортные изделия из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок данного региона (зеркала, монеты, фрагменты шелка), наряду с находками из памятников на сопредельных территориях, рассмотрены в совместной статье А.А. Тишкина и автора настоящей статьи [2013]. Кроме того, в ряде публикаций представлен опыт предварительного обобщения материалов раскопок некрополей Монголии 2-й половины I тыс. н.э., в том числе их корреляция с памятниками Алтае-Саянской горной страны [Серегин, 2011а–б].

Нет сомнений, что исследование раннесредневековых погребений в Монголии имеет значительные перспективы. Это демонстрируют работы последних лет на «элитных» комплексах, позволившие получить действительно сенсационные результаты. В 2009 и 2011 гг. в Центральной Монголии были исследованы памятники Шороон Дов [Данилов и др., 2010; Бураев, 2012] и Шороон Бумбагар [Алтынбеков, 2011; Очир и др., 2013], сходные по ряду признаков. Судя по полученным материалам, комплексы относятся к слабоизученному периоду зависимости раннесредневековых тюрок от Китая (630–679 гг.). На это указывают характерные конструкции объектов, предварительные результаты анализа китайской надписи [Данилов и др., 2010, с. 256], а также время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Можно понять стремление отдельных казахстанских исследователей, принимавших активное участие в изучении памятника Шороон Бумбагар, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников [Сарткожаулы, 2011, с. 285–287]. Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот, материалы раскопок рассмотренных комплексов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и, по сути, являются китайскими. Конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и др. – все это весьма характерно для погребальных традиций

элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар [Очир и др., 2013, зураг 58].

К настоящему времени в Монголии раскопано около 30 объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрок. Несмотря на незначительность этой цифры по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона, накопленные материалы представляют собой важный источник для реконструкции истории и культуры центральноазиатских кочевников. Актуальной задачей является системное обобщение результатов раскопок, а также последовательная интерпретация памятников. Кроме того, необходимо признать, что большая часть рассмотренных выше комплексов раннесредневековых тюрок, опубликованных на монгольском языке, остается неизвестной многим российским исследователям, занимающимся изучением различных аспектов истории кочевников. Поэтому большое значение имеет качественное введение этих материалов в научный оборот, что будет способствовать решению дискуссионных вопросов раннесредневековой археологии Центральной Азии.

Библиографический список

Азбелев П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте Увгунтского комплекса) // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск ; Эдмонтон : Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 126–129.

Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 288–294.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII ввек. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.

Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ ; Иркутск : Отгиск, 2012. С. 296–303.

Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 114–136.

Войтов В.Е. Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // *Mongolica*. М. : Наука, 1986. С. 118–136.

Войтов В.Е. Культурно-поминальные сооружения VI–VIII вв. на территории Монголии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культурно-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Вып. 12. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. С. 95–114.

Горбунов В.В. Оружие таранного удара тюркской конницы // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 119–124.

Гунчинсүрэн Б., Марколонго Б., Пужетта М., Базаргур Д., Болорбат Ц. Турэгийн уед холбогдох хоёр булшны тухай (О двух курганах тюркского периода) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 104–112.

Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.

- Доржсүрэн Ц. 1956–1957 онуудад Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн. Улаанбаатар, 1958. 22 с.
- Доржсүрэн Ц. Умард хунну. Улаанбаатар, 1961. 112 т.
- Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. 367 с.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Хакасский НИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120. (МИА. №24).
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. №2. С. 207–217.
- Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).
- Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. №2. С. 91–101.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 121–146.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской монетике // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1990. Вып. 16. С. 5–16.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Монголоос олдсон алтан брактат тов азийн гоел чимэглэлийн урлаг дахь византийн угуулэмж // Археологийн суудлал. 1999. Т. XIX. Т. 150–160.
- Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.
- Кубарев Г.В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д. Исследование древнетюркских памятников Монгольского Алтая // Культура кочевников Центральной Азии. Самарканд : МИЦАИ, 2008. С. 108–112.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухал дурсгал. Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1987. 155 т.
- Окладников А.П., Волков В.В. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // Вестник АН СССР. 1972. №9. С. 70–80.
- Олзийбаяр С. Огооморийн уйгур булш // Туухийн судлал. 2007. Т. XXXVII. Т. 26–31.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 290 с.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. №3. С. 43–53.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.
- Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзолей (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2011. Т. II. С. 283–287.
- Серегин Н.Н. Опыт сравнительного анализа погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2011а. С. 468–475.
- Серегин Н.Н. Проблемы и перспективы изучения погребальных комплексов тюркской культуры Монголии // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. С. 94–99.
- Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгууд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 т.
- Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.) : автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 1971. 27 с.

Сэр-Оджав Н. Монголын эртний туух (Археологийн найруулал). Улунбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 178 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1(7). С. 49–72.

Турбат Ц. Морьтой нэгэн оршуулга // Археологийн судлал. 1998. Т. XVIII. Т. 130–134.

Турбат Ц. Эртний тэрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал (К вопросу о тюркских рядовых курганах) // Археологийн судлал. 2005. Т. XXIII. Т. 96–103.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 136–162.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрок на территории Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 497–500.

Худяков Ю.С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. №8. С. 94–105.

Худяков Ю.С., Турбат Ц. Древнетюркское погребение на памятнике Элст Хутул в Северной Монголии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–87.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Комплекс находок древнетюркского времени из Аргаан-гола // Археологийн судлал. 1986. Т. XI. Т. 98–102.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Убсу-Нурской котловине // Археологийн судлал. 1997. Т. XVII. Т. 88–97.

Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 82–90.

Хурэлсүх С. Монгол нутаг дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310.

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 51–87.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Уланбаатар, 2008. 239 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2004. С. 175–181.

Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Овор хавцалын амны турэг булш // Нуудэлчдийн ов судлал. 2010. Т. X. Fasc. 9. Т. 125–132.

Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб. : Нестор–История, 2006. 280 с.

Юсупова Т.И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. №4. С. 26–67.

Bokonyi S. Horse Skeletons from the Cemetery at Hana // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 413–422.

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 429–430.

Endrei W. Gy. Silk Fabrics of Grave I at Hana // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 423–428.

Erdelyi I. Archaeological expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian University Press, 2000. 262 p.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Kubarev G.V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on Ancient Turkic Monuments in the Valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 427–436.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemmann J., Höllmann T.O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia – a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

N.N. Seregin

**STUDYING AND INTERPRETATION OF BURIAL COMPLEXES
OF EARLY MEDIEVAL TURKS IN MONGOLIA
(historiographic aspect)**

Article is devoted to the analysis of history of studying of burial complexes of early medieval Turks in the territory of Mongolia. The main stages of field researches, and also available experience of interpretation of the received materials are considered. The initial stage of research of Turkic burials in the region is connected with activity of the expeditions organized by Academy of Sciences of the USSR together with the Mongolian researchers in the 1920th. The following stage, which beginning belongs to the middle of the XX century, was marked by active field works of local researchers (H. Perlee, Ts. Dorzsurena, N. Ser-Odzhava, etc.) who have had necessary experience by this time and have continued excavation independently, and also together with scientists from the socialist countries. With change of a political situation in Mongolia in the 1990th numerous expeditions from the countries of the near and far abroad started carrying out studying of Turkic burials. So far about 30 objects, with different degree of reliability relating to burial complexes of early medieval Turks are dug out in the considered region. Despite insignificance of this figure, the saved-up materials represent an important source for reconstruction of nomad's history and culture.

Keywords: Mongolia, early medieval Turkic peoples, burial sites, history of researches, interpretation.